

МЫ

филологический
факультет

СПЕЦВЫПУСК №2 (31)

Живая история

97-летний ветеран из Донецка,
для которого живопись — жизнь

«Иван»

Рассказ победительницы конкурса
эссе «Связь поколений»

Эссе о Победе

Размышления о войне, памяти
поколений и цене Победы.

Фото: Анна Дудка

СЛОВО РЕДАКТОРА

Есть праздники, которые можно не отмечать: из-за принципов, непонимания или, банально, из-за нежелания. Есть праздники, которые помогают найти ответы на важные вопросы, например, на такие:

— Кто одержал самую великую Победу в истории человечества над самым страшным врагом ценой самых больших в истории человечества жертв?

Наш долг — знать ответ и помнить! Помнить, почему мы живы и почему свободно ходим по своей земле. Помнить, что под этой самой землей так много тех, кто сделал ее для нас свободной.

Я помню! Потому что если забыть, то, значит, они зря умирали, зря бросали семьи и уходили на гибель. Я помню! Ведь мы — поколение, которое видит живых ветеранов, а значит надо не песни им петь и стихи писать (точнее, делать не только это), а идти и помогать им жить. Жить так, как они не смогли прожить тогда из-за нас и ради нас.

Давайте будем помнить. Правду оспорить не сможет никто и никогда. И никто и никогда не сможет отнять у нас нашу Победу.

Ответственная за выпуск:
Анна СЕМЕНЕНКО
3 курс, «Журналистика»

ЖУРНАЛ

от студентов филфака

4

Эксклюзив от донецкого старожила

Мой собеседник — 97-летний донетчанин, последний в ДНР художник-фронтовик, член Союза художников ДНР и Международного товарищества писателей и художников г. Москвы Андрей Василенко.

Посвящение

В 2020 году исполняется 75 лет со дня окончания Великой Отечественной войны. Этот выпуск посвящен тем, кто сохранил в себе память о преступлении против человечества; тем, кто чтит память предков.

Жаль, что о такой важной дате мир вспоминает только в преддверии Дня Победы.

Листая журнал, обратите внимание на героев выпуска. Это люди, чей подвиг стоит помнить.

Можем ли мы себе это позволить?

10

Как бы это не звучало печально, но мы стали забывать цену Великой Победы, которую заплатил наш народ 75 лет назад. Для большинства это событие стало чем-то должным и обыденным.

«Иван»

12

Рассказ студентки филологического факультета, победительницы конкурса эссе «Связь поколений» ДонНУ. О войне, русских женщинах и гуманизме.

Сохраним историю вместе

15

Мы становимся взрослее, а значит, начинаем все больше интересоваться историей своей семьи, своими предками и их жизненными обстоятельствами. Пока живы наши бабушки и дедушки, мы, я считаю, обязаны интересоваться своим семейным древом.

ЭКСКЛЮЗИВ ОТ ДОНЕЦКОГО СТАРОЖИЛА

Нынче их называют «живой историей» или попросту — старожилами. В Донецке их совсем немного, однако все они — уникальные личности, с не менее уникальными судьбами и воспоминаниями. Эти люди — наше прошлое во плоти. Мой собеседник — 97-летний (!) донетчанин, последний в ДНР художник-фронтовик, член Союза художников ДНР и Международного товарищества писателей и художников г. Москвы Андрей Василенко.

Встречает Андрей Степанович журналиста, как и подобает настоящему художнику, в «родном доме» — художественной мастерской. Здесь на стенах, полу, стульях, столах, на шкафах разместились его работы разных периодов творчества. Среди свежих полотен, например, портреты народного артиста СССР Иосифа Кобзона, донецкого миллиардера, президента футбольного клуба «Шахтер» Рената Ахметова, пейзаж Святогорской Лавры. Остается загадкой, как без посторонней помощи, да что там, даже без помощи очков, 97-летний мастер и сегодня рисует своих знаменитых земляков, родные края.

Лишь блокнот для рисования да двое товарищей

За нелегкий плодотворный путь длиной почти в столетие донецкий художник-фронтовик накопил бесценную сокровищницу не только творческого материала, но и воспоминаний, которыми сегодня делится с нами. Голод 1933-го застал Андрея Василенко в третьем классе: «К сожалению, с того времени не сохранились никакие документы, даже мой школьный аттестат,— все исчезло.

Наверное, отец закопал документы, а может на хлеб променял. Все, что у меня осталось из довоенного,— это мой блокнот для рисования 1939–1940 годов. В 1935 году в школе заметили, что я умею рисовать. И со следующего учебного года я начал обучаться в Сталинской школе-студии рисунка и живописи им. И. Бродского».

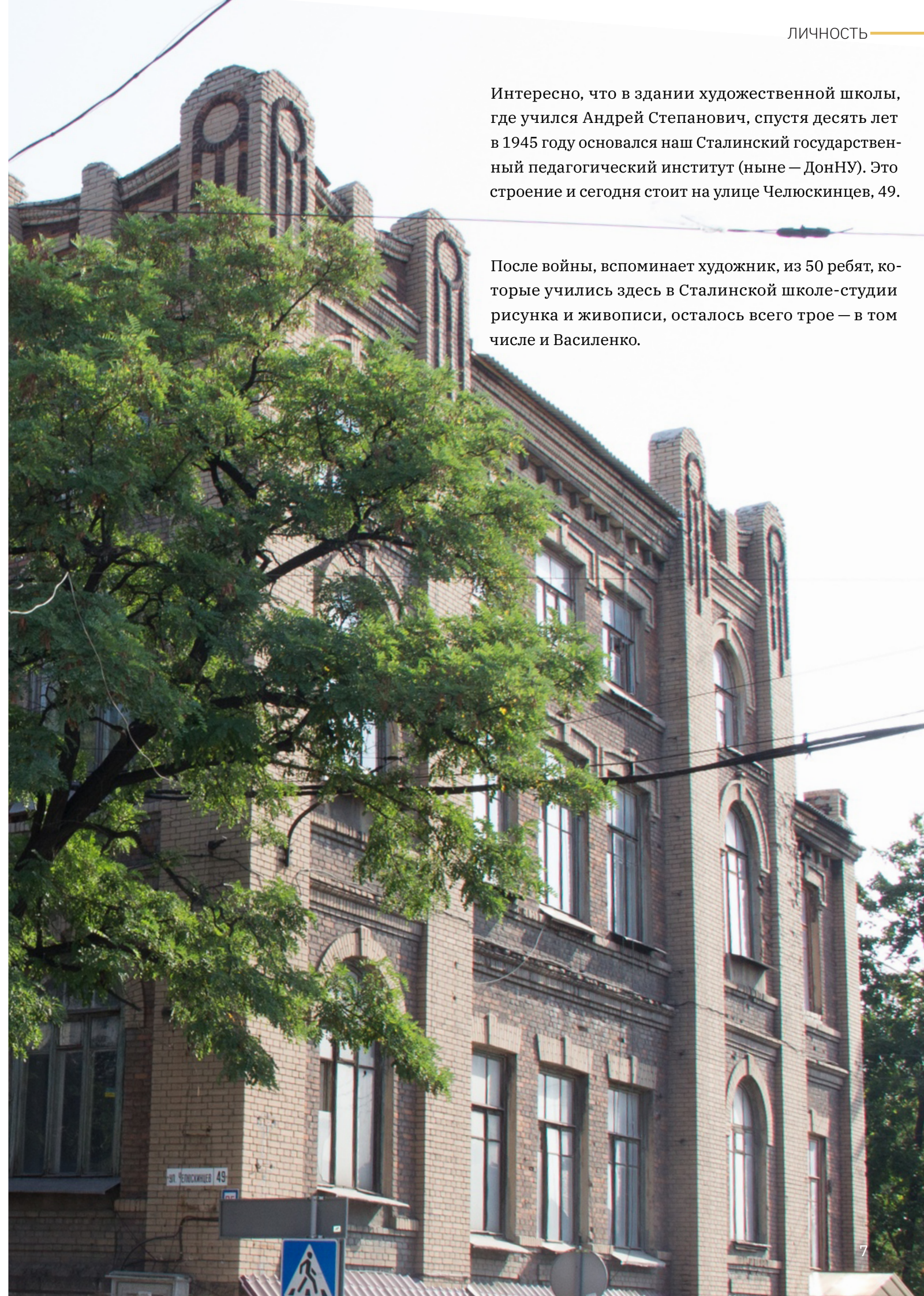
Впервые спустя столько лет художник показал на пожелтевших от времени страницах свои рисунки. Выполнены они акварелью и карандашом:

«Здесь – выпившие горняки, – объясняет Андрей Василенко, – которые только получили зарплату...

Интересно, что в здании художественной школы, где учился Андрей Степанович, спустя десять лет в 1945 году основался наш Сталинский государственный педагогический институт (ныне — ДонНУ). Это строение и сегодня стоит на улице Челюскинцев, 49.

После войны, вспоминает художник, из 50 ребят, которые учились здесь в Сталинской школе-студии рисунка и живописи, осталось всего трое — в том числе и Василенко.

Художник и солдат

Рисовать или воевать? С наступлением лета 41-го талантливому донецкому художнику пришлось ответить на этот вопрос. А точнее сама судьба скорректировала выбор: «В 1940 я окончил Сталинскую художественную школу-студию и получил возможность проходить подготовительные курсы в Ленинграде для дальнейшего поступления в художественную академию. Только сдал документы — вышел приказ наркома обороны: всех, кто имеет среднее образование, призвать в армию». Так юный Андрюша попал в Киевское артиллерийское училище, затем был перераспределен в Каменец-Подольский.

«В субботу, 21 июня 1941 года, был чудесный летний вечер. Природа благоухала. После ужина нам демонстрировали кинофильм, а потом — отбой. Только улеглись, как вдруг прозвучало: «Подъем! Тревога!». Построившись в колонну, полк звездной ночью выехал к Днестру, затем через мост к границе: «Уже начало светать, как вдруг из-за высокого правого берега Прута с румынской стороны показалась группа самолетов. Затем мы услышали первые взрывы, доносившиеся со стороны города Черновцы. На горизонте появился столб огня и дыма. Еще и еще шли волнами самолеты. Мы до последнего думали, что это какая-то провокация, слова «нападение» даже и в мыслях не было. И вдруг нас оглушило: «Война!». Было объявлено о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Только тогда артиллерийский полк перестроился в боевом порядке», — вспоминает Андрей Степанович.

Чеховское благословение

Отражение атак возле Прута было только первым шагом на нелегком боевом пути солдата-освободителя Василенко. После длительной госпитализации фронтовые дороги артиллерийского полка и солдата Василенко разошлись. Боец попал в 128-ю Гвардейскую Краснознаменную Туркестанскую дивизию, в составе которой освобождал Крым: Керчь, Феодосию, Алушту, Ялту, вместе с северными войсками штурмом овладели Севастополем. Крым стал свободным!

В этих боях Андрей Степанович был ранен, его поместили на излечение в ялтинский госпиталь, который располагался в развалинах санаториях «Яузлар». Последующие события в крымской Ялте станут одним из самых ярких эпизодов не только военных, но и всех последующих лет жизни Андрея Степановича. Чудесная крымская природа и лечение помогли молодому бойцу поправиться. Уже в конце мая он мог держать в руке кисть и сразу же принялся за работу. Сначала он нарисовал карту размером 3 на 2 метра, к которой приделал красную ленту, обозначавшую, где проходил фронт. Какое было наслаждение ежедневно передвигать ее на запад! А еще покрывал стены карикатурами, высмеивающими фашистов. Ночью нарисует, солдаты встают — радуются. Вскоре художественный потенциал воина-освободителя удалось реализовать с полной силой.

«Утром после перевязки было построено человек 15 выздоравливающих, разыскали и меня. Нашу группу повел сам начальник госпиталя, майор медицинской службы Борис Решов, а куда повел, мы тогда и не догадывались. Когда мы дошли до развилки двух дорог, перед нами предстали крыша и белеющие стены небольшого домика. Начальник поведал, что это дом великого русского писателя Антона Чехова. Дом построен на средства писателя, а прожил он в нем всего 4 последних года. После его смерти здесь был создан музей, который бережно хранит его сестра Мария Чехова. При бомбежке Ялты четыре авиабомбы взорвались в саду, повредили дом и деревья, посаженные еще руками Антона Павловича. Стены потрескались, вылетели стекла. Дом-музей

нуждался в неотложной реконструкции, и чтобы помочь его восстановить, начальник госпиталя собрал выздоравливающих бойцов», — рассказывает Андрей Степанович.

Много трудился солдат Василенко над воскрешением Дома-музея Чехова, всячески проявлял свой талант и смекалку, познакомился и близко общался с Марией Чеховой. Узнав, что Василенко рисует, она обратилась к нему за помощью в восстановлении экспозиции. Вместе они придумали макет вывески для музея, восстанавливали надписи под экспонатами. Андрей Степанович помогал разбирать вещи, писательские принадлежности, картины, книги великого мастера слова. Вскоре ялтинский госпиталь переехал под Кенингсберг, а солдата Василенко отправили назад в 128-ю дивизию. Когда он пришел в Дом-музей попрощаться, Мария Павловна подарила ему путеводитель по музею Чехова. Писать она не могла (зрение уже не позволяло), но сотруднице музея продиктовала: «Товарищу Василенко А. С. на память о пребывании в Ялте и добросовестном выполнении работ по ремонту Дома-музея А. П. Чехова». С этой книгой он не расставался, не раз попадал под бомбежки и оставался жив. Андрей Степанович, улыбаясь, говорит, что именно чеховское благословение спасало много раз ему жизнь.

Невозможное возможно

Освободив Украину, Польшу, Чехию, Венгрию, пройдя с боями по Германии, встретив победу в Праге, Андрей Василенко еще два года прослужил в Ужгороде. Демобилизовался в 1947 году и вернулся в родной город, где как раз основывалось общество художников-фронтовиков. Василенко стал одним из организаторов Товарищества художников, которое потом было преобразовано в мастерские Художественного фонда. С 1972 по 1982 год он был главным художником Ворошиловского района города Донецка.

Сейчас, несмотря на свой почтенный возраст, Андрей Степанович остается в рабочем строю, активно интересуется всем, что происходит в нашей жизни, и прежде всего проблемами художников Донбасса, человеческими судьбами. Пример Андрея Василенко доказывает, что возраст может стать подвластным целенаправленному человеку, патриоту родного края.

Екатерина КУХАРЕНКО
старший преподаватель
кафедры журналистики ДонНУ

Можем ли мы себе это позволить?

Как бы это ни звучало печально, но мы стали забывать цену Великой Победы, которую заплатил наш народ 75 лет назад. Для большинства это событие стало чем-то должным и обыденным. 9 Мая — лишь очередное торжество, собирающее толпы людей, чтобы посмотреть концерт, отведать полевую кухню и потолкаться за место с лучшим обзором. Мало кто задумывался о первоначальном смысле Дня той самой Великой Победы.

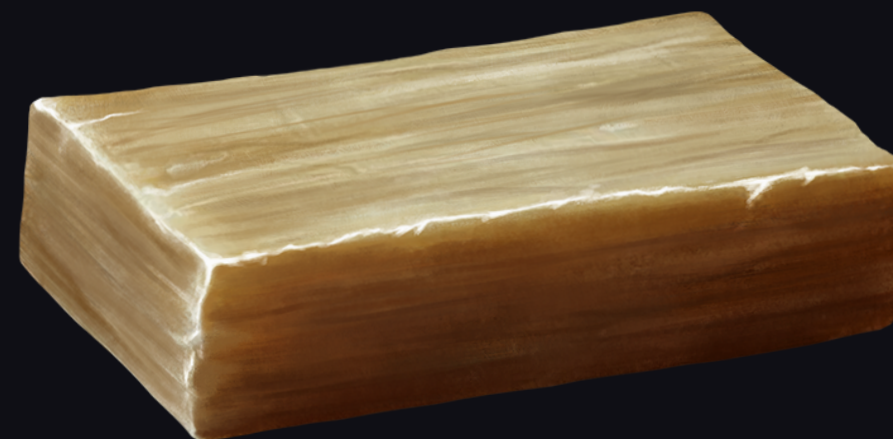
Каких-то две трети века назад люди готовы были пожертвовать жизнью за мирное небо над головами своих потомков. Терпели голод, нужду и издевательства нацистских нелюдей.

Что же сейчас? В XXI веке происходит очередной сдвиг мировоззрения, складывается совершенно иная «правда», возникает все больше и больше сомнений... Кому доверять и нужно ли это вообще? Далеко не все люди нынешнего поколения представляют ужасы тех времен. Я хочу привести факт, подтверждающий бесчеловечность гитлеровцев к людям другой национальности. Колоссаль-

ному истреблению со стороны немецких нацистов подвергались евреи. Их не просто унижали и оскорбляли за происхождение, но арестовывали, ссылали в концентрационные лагеря, массово расстреливали и сжигали. Но более всего меня шокировало изготовление мыла из жира людей. Трудно поверить, что человек может так относиться к другому человеку лишь потому, что тот другой национальности. Немецкий драматург и поэт Хайнер Мюллер попытался выразить свою боль в стихотворении «Мыло в Байрейте» (перевод — Владимира Колязина):

Ребенком я слышал рассказы взрослых:
В концлагерях из евреев
Делали мыло. С тех пор не могу
Привыкнуть к мылу и ненавижу его запах.
Сейчас, так как я ставлю «Тристана»,
Живу я в новостройке в Байрейте.
Опрятная квартира, какой я не видывал сроду.
Все на своих местах: ножи ложки вилки
Кастрюли сковородки тарелки чашки двуспальный диван.
Душ, MADE IN GERMANY, разбудит и покойника.
На стенах цветы и прочий альпийский кич.
Везде порядок, и газон за домом
Тоже в порядке, тихая улица, напротив Ипотечный банк.
Впервые распахнув окно, услышал я запах мыла.
Дом сад город Байрейт пропахли запахом мыла.
Отныне я знаю, сказал я, разрезая тишину,
Что значит жить в аду и не быть мертвецом или убийцей.
Здесь
В запахе мыла ОСВЕНЦИМ родился.

Хайнер Мюллер,
15 августа 1992 года.

Мыло. Такая заурядная вещь. Но не для нас. Нет.
Возьмите его в руки — что вы чувствуете?

Я уверена, что для многих это лишь обычное средство личной гигиены. Однако в те страшные годы у любого еврея одного лишь взгляда на мыло хватало, чтоб вызвать озноб, леденящий ужас и панический страх.

Точное количество погибших в Освенциме установить невозможно, есть лишь приблизительные цифры от 1,1 млн. до 1,6 млн. человек. Большая часть из них — евреи и советские военнопленные.

Понимание того, что подобное было в истории человечества, а не просто в кинофильмах, еще больше повергает в ужас. Все это невозможно

представить. Еще куда сложнее — поверить. Но это всё факты, которые не могут быть оспорены. Так можно ли назвать 9 Мая лишь очередным праздником? Можно свести Победу над бесчеловечностью, садизмом и безумием нацизма до обычного выходного дня? Можем ли мы себе это позволить? Каждый, кто живет сейчас, обязан помнить, во имя чего пожертвовали своими жизнями миллионы советских людей. Помнить и не допустить этого снова. Ради Великой Победы.

Диана ПОПОВИЧЕНКО, 1 курс,
«Реклама и связи с общественностью»

ИВАН

*«Война есть не только потрясение,
но и духовное испытание и духовный суд»*

Иван Ильин

Это была первая осень Великой Отечественной войны. Вокруг маленького села Ворошиловградской области, в котором жила девушка по имени Клавдия, шли ожесточенные бои между Советской Армией и фашистами.

Звуки канонады не замолкали вот уже несколько дней подряд.

Когда же все окончательно затихло, а минуты долгожданной тишины превратились в часы — новый день утренней росой умыл онемевшие от боли хаты и словно родил звуки, голоса и чувства: ЖИВЫ...

Клавдия вместе с другими молодыми девушками вышла за село, чтобы похоронить погибших солдат.

...Поле битвы встретило девушек зловеще: тягостным безмолвием и прогорклым запахом. Гнилостный и травяной, он смешался с человеческой кровью, дымом пожарищ и бензиново-керосиновой вонью разбитой техники. Солнце только начинало подниматься над горизонтом, и его первые лучи особо выразительно подчеркнули весь трагизм этой страшной картины.

Сколько там было убитых! А еще — оторванных от человеческих тел рук и ног. Казалось, они лежали повсюду, привлекая голодных собак и зверей из леса.

Девушки крестились, шептали молитвы, то и дело всхлипывали, громко набирали в легкие воздух, чтобы не упасть от головокружения. Тут же рыли могилы и хоронили останки.

Клавдия, статная и красивая, шла отдельно от остальных.

Рано оставшись без отца и матери, она привыкла держаться обособленно. При этом девушка всегда с особым чувством рассказывала о своем счастливом детстве, которое продолжалось ровно до того момента, как отца «раскулачили» и повесили на старой яблоне под окном их уютного дома на глазах у всей семьи. Мать лишили хозяйства, чем обрекли на голодную смерть вместе с двумя сыновьями и дочерью. И действительно, через короткое время она, горемычная, сгорела от «сибирки», оставив на Божие попечение своих несчастных сирот.

История жизни Клавдии не была особенной. Таких насчитывались тысячи и тысячи по стране. Начавшаяся война лишь продолжила печальный список испытаний, выпавших на их судьбы...

...Вдруг Клавдия, шедшая впереди всех, вскрикнула:

— Ой, девчата, смотрите!..

Подруги подошли — и просто застыли от ужаса. В примятой прелой траве лежала человеческая голова. Золотые кудри перебирал ветер, словно пытаясь пожалеть этого несчастного солдата. Голубые глаза были широко открыты и смотрели в такое же

голубое небо. Парень был невероятной красоты, и даже смерть не смогла отнять ее. Три девушки стояли и смотрели на человеческую голову — всё, что осталось от некогда живого человека. Сильного и красивого... Родного или чужого... Защитника или врага...

Одна из девушек, Евдокия, резко встrepенулась, расправила плечи и громко сказала: — Ууууу, собака лапа*! Фашист проклятый! Смотри, выбрит-то как начисто. Во всем они такие культурные, немцы эти! Небось, родился на белых простынях, у какой-нибудь фрау, рос да подъедал что получше, да играл вместо кукол с мамкиными жемчугами да серебряными отцовскими пуговицами от кителя. А потом грамоте обучался... А вон как жизнь свою закончил, на чужой стороне, обездушенный и даже безтelle-сый! Так ему и надо, ироду!..

В этот момент лицо Евдокии совсем перекосило от злости:

— Пускай так валяется! Не будем хоронить!

Евдокии только недавно исполнилось 18 лет. Из всех своих подруг она одна умела хорошо читать и писать, успев окончить «восьмилетку». Евдокия отличалась бойким характером и обостренным чувством справедливости.

— А ну, цыц, Явдоха! — громогласно произнесла другая девушка, Нюся. — И с чего это тебе, шалапутной*, придумалось, что он немец? Куды глаза твои глядят? Вона шрам у него, — и указала пальцем на правую щеку, — точно от батога*! В маво братушки меньшого такой самый! Небось, как и он скакал на гнедой кобыле по полю, замахнулся на нее, буйную да резвую, батогом, да по детской нерасторопности себе по лицу и зарядил, дурашка! А батя потома его и бранил, и жалел. А мамка примочки ставила, да все без толку, шрам-то на всю жисть остался. Так и на фронт ушел со шрамом... — глаза Нюси наполнились слезами. — Ясно тебе? Наш это паренек! Надо бы побеспокоиться об нем.

Нюся была средней из девушек. В ближайший воскресный день ей должен был исполниться 21 год. Она осталась жить в сельской хате одна, отца и младшего брата призвали на фронт, а мать умерла годом ранее.

Евдокия посмотрела на Нюсю таким взглядом, что у той ком встал в горле.

— Фашист! Фашист он! — кричала Евдокия. — Что ж ты за дура-то такая?

— А я говорю наш! Наш! Русский!

Не в силах больше слушать крики обеих, в разговор вмешалась Клавдия.

— Будя, девчата! — строго и одновременно ласково осадилa она подруг. — Чего судить об нем? Ни шинелки, ни обуви, ни даже хреста нательного. Золотые кудри — все богатство. Да глаза голубые, как енто небо. Загляни в них, так самого Рая отражение и увидишь. А в Раю-то Бог правит. Херувимы да серафимы Ему служат. А еще — вести с нашей грешной земли приносят. А ну, как скажут Ему, что такая-то Явдоха, раба Божия, да Нюська, еще не мужнина жена, да Клавка, самая старшАя, не хотели хоронить творение Его, как положено, по-христиански, а на свое разумение рассудили, что пущай так валяется, человек ентот, вернее голова его. То-то в Раю расстроятся, то-то раздосадуются. Авось, и победы советскому народу за такое жестокосердие не благословят...

Никто из девушек не мог вымолвить и слова. И тогда Клавдия продолжила:

— Человек он! Человек! Образ и подобие. Надобно и хоронить по-человечески.

Клавдия сняла с себя косынку и дрожащими руками завернула в неё голову. Евдо-

кия и Нюся заплакали и тут же стали рыть яму...

Похоронили страшную находку со всеми погребальными песнопениями, которые полагалось петь над усопшими. Евдокия сделала небольшой могильный холмик, Клавдия соорудила крест из сухого дерева, а Нюся возложила к его подножию полевые цветы и душистые травы, — чтобы всё, как надобно, по-человечески...

Кто был этот солдат? Откуда? Неизвестно. Но девушки уговорились называть его Иваном. Клавдия тогда предложила:

— Пуцай Иваном будет, как мой батя...

Нюся одобрительно кивнула, а Евдокия подняла с земли кусок обгорелой фанеры, потом нашла уголек и аккуратно написала: «Иван, 1941». Табличку оставили на могиле — чтобы все знали.

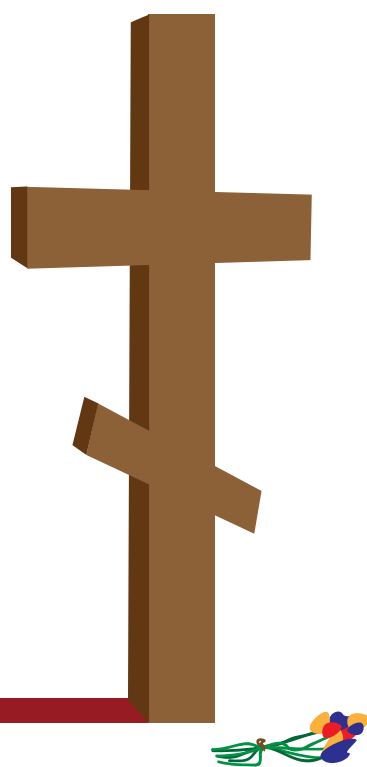
Солнце уже клонилось к горизонту. Девушки шли в село молча, и только птичьи трели нарушали всеобъемлющую тишину. А может это на птичьих языках души погребенных солдат благодарили своих благодетельниц...

Примечательно, что даже спустя много лет Клавдия не забыла эту историю, а вернее — чистый, последний взгляд небесно-голубых глаз неизвестного солдата.

И еще: Клавдия — моя прабабушка, Царствие ей Небесное, и этот рассказ я записала с ее слов.

Инна КУЧЕРОВА,

Победительница конкурса эссе «Связь поколений» ДонНУ,
Группа 1 ТВ, 1 курс (заочное отделение)

Сохраним историю вместе

Мы становимся взрослее, а значит, начинаем все больше интересоваться историей своей семьи, своими предками и их жизненными обстоятельствами. Пока живы наши бабушки и дедушки, мы, я считаю, обязаны, интересоваться своим семейным древом.

Накануне праздника 9 Мая моя бабушка всегда рассказывает нам с сестрами и братом о своем отце, который воевал во время Великой Отечественной войны.

Мой прадед Сидоркин Иван Александрович родился в селе Осаново Кемеровской области в апреле 1924 года. Он храбро сражался за мир, в котором мы сейчас живем. Я знаю о прадедушке в основном из рассказов родных. В октябре 1941 года его призывают в Советскую Армию. По рассказам бабушки известно, что было у прадеда ещё два родных брата, которые тоже отправились на войну. Удивительным стало то, что из трёх братьев выжил и прошёл всю войну только младший, прадед Иван, а старший и средний погибли в первый же год. Прадед был ранен в легкие в двух местах. Родные считают, что жизнь ему спас кулон, который накануне войны прадеду подарил и освятил священник, хотя это было запрещено. Однажды они с солдатами переплывали Неву, одежда стала ужасно тяжелой, силы начали его покидать и он начал идти ко дну.

Прадед мысленно начал прощаться с матерью, женой и детьми, но в один момент его посетило необыкновенное чувство, которое в последний момент вытолкнуло его со дна.

Во время Сталинградской битвы он был разведчиком. Мой прадед был награжден медалью «За отвагу», орденом Славы, орденом «Красной Звезды». Эти награды хранятся у нас дома. Мы бережно берем их в руки и вспоминаем, как тяжело было отстоять свободу, но под разрывами снарядов они уверенно приближались к Победе.

Дедушка в своих письмах писал, что на войне очень страшно. Эти бесценные письма до сих пор аккуратно сложены и хранятся у моей бабушки. Прадед вернулся домой с тяжелым ранением. Историй из военной жизни было много, но прадед не очень любил говорить о страшных боях, которых было на его пути немало.

Всю войну он защищал свою Родину от фашистов. Я горжусь!

Ольга КАРПЕНКО,
3 курс, «Журналистика»

1937

Учредитель — филологический факультет Донецкого национального университета (г. Донецк)

Адрес редакции: г. Донецк, ул. Университетская, 24, к. 444 (кафедра журналистики)

Главный редактор — **Виктория Подарова**

Верстальщик-дизайнер — **Даниил Яценко**

Бильд-редактор — **Алина Стефаник**

Глава информационной комиссии филологического факультета — **Виктория Подарова**

Литературный редактор — **Валентина Лантух**

Редактор-корректор — **Екатерина Кухаренко**

<https://issuu.com/donkafzhurn/docs>

Журнал распространяется бесплатно.

Перепечатка материалов журнала возможна только с разрешения редакции. Ссылка на первоисточник (журнал «МЫ») обязательна. Редакция не всегда разделяет позицию авторов публикаций, а также оставляет за собой право редактировать и сокращать тексты.

Обратная связь: **don.kaf.zhurn@gmail.com**